

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политэкономия в широком смысле: марксизм и мир-системный анализ

Гловели Георгий Джемалович

доктор экономических наук,

профессор Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»,

руководитель Центра методологических

и историко-экономических исследований Института экономики РАН

glovelig@mail.ru

Ключевые слова: политэкономия в узком и широком смысле, мир-системный анализ, формации, гегемония, второе издание крепостничества, капитализм, социализм

Keywords: political economy in a narrow and broad sense, world-system analysis, formations, hegemony, second serfdom, capitalism, socialism

От критики политэкономии — к политэкономии в широком смысле

В работе «К критике политической экономии» (1859) Маркс впервые четко очертил рамки классической политической экономии в его понимании: от У. Петти до Д. Рикардо в Англии и от П.Л. Буагильбера до Ш.Л.С. де Сисмонди во Франции [52, т. 13, с. 39]. При отмеченном Марксом «национальном контрасте между английской и французской политической экономией» общей чертой «классиков» было то, что они стремились к познанию «внутренних зависимостей буржуазного способа производства», обнаруживая столкновения **классовых интересов** и противоречия **воспроизводства**.

Но *буржуазная* классическая политэкономия была, как выразился Энгельс

в памфлете «Анти-Дюринг», политэкономией в *узком смысле*; она рассматривала открываемые ею законы производства и обмена «с положительной стороны» как вечные, хотя и давала материал для критического изображения этих законов «с отрицательной стороны» [52, т. 20, с. 154]. Тогда как введение Маркса к работе «К критике политической экономии» содержало знаменитое резюме материалистического понимания истории как прогресса общественных формаций, обусловленным ростом производительных сил, на известной ступени приводящих к революционным изменениям экономического базиса, за которыми «более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [52, т. 13, с. 7]. А в написанной раньше, в момент вызревания материалистического пони-

мания истории, «Немецкой идеологии» (1846) Маркс и Энгельс выделяли уже *три периода* собственно буржуазной экономической формации:

1) ускорение накопления движимого капитала благодаря первому расцвету мануфактур и расширению сношений, вызванному открытием Америки и морского пути в Ост-Индию;

2) колониальный раздел мирового рынка (с середины XVII в. до конца XVIII в.), когда мануфактура, поддерживаемая национальными государствами, играла второстепенную роль по отношению к дальней торговле и судоходству;

3) подчинение мирового рынка крупной промышленностью, универсализующей свободную капиталистическую конкуренцию [52, т. 3, с. 57-60].

Углубленный анализ этих трех периодов как периодов «первоначального накопления», мануфактурного и системы машин (фабричного) был дан Марксом в «Капитале», что потребовало и выхода за пределы периода свободной конкуренции, закономерности которого были истолкованы сложившейся в XIX в. официальной (университетской) «классической школой» либеральной политэкономии как универсальные «естественные законы».

Универсализация экономических законов приверженцами фритредерства («космополитизм» и «перпетуализм») была подвергнута критике политэкономии германской исторической школы, пытавшейся противопоставить эгоистической конструкции homo eonomicus концепцию множественной мотивации в хозяйстве, где наряду с эгоизмом (частной заинтересованностью) присутствуют общий интерес, принудительно реализуемый государством, и мотив благотворительности, или «каритативный» (от лат. caritas — «любовь, привязанность, забота») [48, с. 476-479]. Одна-

ко этот подход не нашел такого отклика, как другие идеи исторической школы, напрямую связанные с экономической и социальной политикой.

Маркс и Энгельс, как известно, весьма критически относились к политэкономии германских профессоров, и именно Германию имел в виду Маркс, когда предварял «Капитал» разъяснением, что Англия, как «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [52, т. 23, с. 6, 9]. Этот *эталонный подход* присутствует уже в «Немецкой идеологии», где та же Англия охарактеризована, как самая могущественная морская держава, получившая благодаря этому перевес и в мануфактуре. (Хотя в «Капитале» Маркс мимоходом замечает о Голландии как «образцовой капиталистической стране XVII в.», достигшей пика торгового могущества к 1648 г. [52, т. 23, с. 763]). Эталонный подход возобладал и в первоначальной разработке концепции *докапиталистических формаций*, в чем сказалось влияние сен-симонизма, сопоставимое по своему значению для марксистского историзма с диалектическим методом Гегеля. Мощное идейное излучение Сен-Симона преломилось через работы его верных (Базар, Анфантен) и неверных (Тьерри) учеников и в учении о классовой борьбе, и в поисках подкрепления материалистического понимания истории естественнонаучным эволюционизмом. Провозвещенный сен-симонизмом критерий стадийного смягчения *эксплуатации человека человеком* (рабовладение, крепостное право, наемный труд) перешел в «научный социализм», немало содействовав *линейному* пониманию формационного прогресса [38, с. 64, 67-69]. В той же «Немецкой идеологии» линейно пред-

ставлен процесс накопления городского движимого капитала: от усреднения уровня оброка и барщины, который сделал возможным дифференциацию крепостных и бегство части их в цеховые города, - до появления мануфактур и т.д. вплоть до полной победы торгового города над деревней [52, т. 3, с. 56].

Но, когда Энгельс писал о политэкономии в узком смысле, он уже знал и об огромных усилиях Маркса по изучению своеобразия «форм, предшествующих капиталистическому производству» [52, т. 46, ч. I, с.267-281], и о сомнениях по поводу применимости формационной доктрины к России [52, т. 19, с. 120; т. 22, с. 449]. Отсюда – постановка вопроса о необходимости привлечь к сравнению с капиталистической формой производства и обмена формы, ей предшествовавшие и «те, которые существуют рядом с ней в менее развитых странах» [52, т. 20, с. 150]. А в самых последних письмах Энгельса другу сформулировано понятие **второго крепостного права**, или **второго издания крепостного права** в Германии с середины XVI в., особенно после **Тридцатилетней войны**. По словам Энгельса, это восстановление крепостного права показывает «не только антагонистический характер действительного прогресса, но и отдельные случаи регресса» в истории, включая развитие промышленности. В Германии в XVII-XVIII вв. пошло попятное движение к цеховому разделению труда, тогда как в Англии – «переселение» мануфактурной промышленности в не знающую цехов деревню

[52, т. 35, с. 105]⁴⁷. Наконец, Энгельс сделал и более широкий вывод,

что крепостное право и зависимость *не являются* какой-либо *специфически средневеково-феодальной формой* [52, т. 35, с. 112]⁴⁸.

Само по себе понятие **второго крепостного права** увидело свет лишь в 4 выпуске издания переписки Маркса и Энгельса (1913). Но связанная с ним мысль о *нелинейности формационного прогресса*, **отсутствии униформизма** в экономической эволюции [11, с. с.109] нашла отражение в первом опыте политэкономии в широком смысле, принятом в России А. Богдановым и И. Степановым [32, с. 113].

Среднерусский марксизм и политэкономия в широком смысле

Предыстория фундаментального 4-томного «Курса политической экономии» А. Богданова - И. Степанова, а точнее – история создания его прямого предшественника, богдановского «Краткого курса экономической науки», созданного в сотворчестве с тульскими заводскими рабочими-кружковцами и соратниками-лекторами И. Степановым и В. Базаровым, описана мной в недавней статье [26, с. 83-84]. К этому надо добавить, что все три создателя своеобразного тульского подпольного рабочего университета, занимавшиеся еще и в Москве и Харькове революционной деятельностью, были в итоге сосланы за нее в 1900 г. в Калугу. Познакомившись там с талантливым литератором А. Луначарским, они вместе с ним задались целью дать новую, «более широкую и ярко-цветную редакцию» марксистской философии, нежели «узкая француз-

⁴⁷ Впоследствии значение подъема мануфактур в сельской местности для превращения Англии в «колыбель капитализма» было показано советским историком М. Баргом [4, с. 14, 55].

⁴⁸ Выводы Энгельса противоречили не только линейному спрямлению формационного подхода, но и упрощенной концепции русского исторического процесса, выдвинутой «основоположником русского марксизма» Г. Плехановым [33, с. 164-165].

ская энциклопедическая ортодоксия, на которой пытался базировать весь марксизм Плеханов» [50, с. 34]. Это, по словам Луначарского, «скопление» молодых марксистов, приобщившихся к социал-демократической работе в городах на Среднерусской возвышенности, можно условно определить как **«среднерусский марксизм»**. В его исследовательской программе политэкономия в широком смысле стала первым этапом разработки общей теории общественного бытия и общественного сознания на основе единой – организационной – «методологии миропонимания», на которую, по-видимому, А. Богданов вдохновлял и народный опыт упорной борьбы со стихиями среди суровой природы на огромном пространстве средней полосы России [57, с. 4].

Приняв за исходный пункт «исторического монизма» последовательное проведение Марксом *структурной точки зрения* в «Капитале», Богданов наметил перспективы:

- анализа исторически сменяющих друг друга экономических формаций по **единой структурной схеме** для характеристики укладов: отношения общества к природе (или «технические отношения») – производственные и распределительные отношения – общественная психология – идеологии («Курс политической экономии»);
- формулирования всеобщих системных понятий, **универсальных структурных закономерностей** развития природы и общества (осуществлено в 1913-1922 гг. в главном труде Богданова «Всеобщая организационная наука (Тектология)»);
- выяснения «социально-трудового» генезиса идеологических форм и их **обратного влияния** на хозяйство как организующих приспособлений

людей в процессе совместного присвоения энергии окружающей среды (учебник Богданова «Наука об общественном сознании», 1914).

Социально-генетический метод исследования форм общественного сознания как производных от общественного бытия, но и оказывающих на нее активное обратное воздействие, был ответом Богданова, во-первых, на социологические дискуссии об «экономическом материализме» [41, с. 266-268] и самостоятельности психологии и идеологии (включая разъяснения в «письмах об историческом материализме» позднего Энгельса [52, т. 37, с. 394-396, 414-421; т. 39, с. 74-76, и др.]); во-вторых, на упреки марксизму в жестком детерминизме. Возражая, Богданов писал: «Марксизм говорит: если успеют сложиться достаточные силы, то общество преобразуется таким-то способом; если нет, то оно деградирует» [6, с. 211]. Организующая роль идеологии имеет принципиальное значение для сложения «достаточных сил». Уже в первом издании «Краткого курса экономической науки» Богданов подчеркивал, например, что только при достаточной высоте развития естествознания возможен переход от мануфактурного периода к машинной стадии капиталистического способа производства. Позднее «социально-генетический подход» к естествознанию как «идеологии производительных сил общества» выразился в интересе Богданова к историко-научным трудам австрийского физика Э. Маха [57, с. 75].

И. Степанов принял структурную методологию А. Богданова, сфокусированную на определение роли различных классов и социальных групп в организации производства и обмена, обособлении организаторских функций от исполнительских и «потребительно-паразитическом» отдалении господ-

ствующих классов от реальных организаторских функций. Кроме того, соавторы «Курса политической экономии» почерпнули фактический материал и ряд концептуальных обобщений из работ нескольких поколений политэкономов исторической школы – не только германских, но и английских.

Соединение «организационной» ретроспективы классового анализа обществ с критерием развития меновых отношений позволило Богданову и Степанову в рамках формационного подхода объяснять вариативность хозяйственных структур, зигзаги опережающего экономического развития или, напротив, *деградации* народов и регионов.

Например, следуя за наиболее широкой, хронологически размытой в историографии трактовкой понятия «*феодализм*», и характеризуя его как авторитарную натурально-хозяйственную формацию, Богданов и Степанов отмечали, что под воздействием роста меновых отношений, с одной стороны, не повсеместно происходила эволюция к крайним вариантам рабовладельческой и крепостнической эксплуатации; с другой стороны, также не повсеместно, - сложились средиземноморские государства античного мира на почве широких меновых связей между отдельными группами демоса и европейский средневековый строй обособленных городов с цеховым ремеслом и опережающим развитием транспорта. Античные государства указанного типа отличались от образованных путем войны деспотичных монархий, но *оказывались неустойчивыми* и изменялись в сторону тираний и деспотий. Классический пример – превращение республиканского Рима в Рим цезарский; это и пример того, как меновые отношения вели к «законченному типу рабовладельческой системы» там, где *была возможна*

длительная военная эксплуатация отсталых племён с захватом недвижимой (территория) и движимой (включая рабов) добычи. Стремление господ к богатству в денежной форме, снимавшей потребительские ограничения, вело к усилению эксплуатации подневольного труда ради максимума меновой ценности в античных рабовладельческих латифундиях и эргастериях. Аналогичное стремление европейских феодалов в тех странах, где рядом с деревенским миром *не смог окрепнуть* ремесленно-городской строй, привело к законченной «системе крепостных отношений» с **отягощением барщины** (не только в Германии, о чем писал Энгельс, но в гораздо более обширном ареале Центральной и Восточной Европы).

Выделив значительный исторический период **торгового капитализма**, Богданов и Степанов подчеркнули, что революционная сила торгового капитала породила «атмосферу страстной борьбы за фетишизированные личные выгоды», где стали возможны, с одной стороны, разрушительные для светских и духовных феодалов технические новшества, с другой стороны – систематизация индивидуалистического мирозерцания (гуманизм) и Реформация [12, с. 214]. Следуя за выводом Маркса о протестантизме как буржуазной версии христианства [52, т. 23, с. 89], Богданов и Степанов определили Реформацию как «*революцию торгового капитализма*» [12, с. 216]. Но ее последствия оказались различными для экономики стран Европы: прогресс для одних (особенно Голландии и Англии), регресс для других – где победила католическая Контрреформация (Испания, Польша) или было растрачено слишком много сил в религиозных войнах (Германия). Одновременно порожденная торговым капитализмом и умноженная благода-

ря великим техническим новшествами колониальная экспансия европейского Запада *насаждала на заморских территориях крайние формы рабства и крепостничества* [12, с. 57-58].

Анализ промышленного капитализма Богданов и Степанов давали в категориях «Капитала» Маркса - с учетом произошедших к началу XX в. структурных и институциональных изменений. Ни кто иной, как И. Степанов, перевел на русский язык знаменитый трактат Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910) и подчеркнул связь монополизации и империалистической экспансии с опережающим ростом «тяжелых индустрий». Милитаризм, маринизм и железнодорожное строительство, опутывающее колониальный мир дорогами стратегического и коммерческого назначения, гарантируют сбыт и прибыли финансовому капиталу, заинтересованному в союзе с правительством.

Гильфердинг отметил рост капиталистических «новых средних слоёв» - не самостоятельных мелких хозяев, а всякого рода служащих (промышленных, банковских, государственных). Именно эти «новые средние слои» поддерживали «новый империализм», ожидая от него своих карьерных перспектив и повышения окладов и выступая как «голошующее стадо финансового капитала».

На *изменение классово-структуры* капитализма, отличающее его от ранних антагонистических формаций, обратил внимание и А. Богданов [7, с. 274]. Он подчеркивал, что, хотя буржуазии присуща общая с прежними высшими классами тенденция развиваться в «потребительно-паразитическом» направлении, капиталисты-собственники не становятся равнодушными к техническому прогрессу. Они, особенно в синдикатах и трестах, поощряют и направляют работу изобретательской

мысли, требуя усовершенствований от *наёмных* управляющих и специалистов-инженеров. Этот растущий слой обладателей *специализированных знаний* на службе у капитала и буржуазного государства Богданов назвал **технической интеллигенцией** [57, с. 62, 103].

Это определение было рождено стремлением Богданова уследить за **«научно-технической революцией»** (тоже его термин) и предугадать хотя бы общие направления техники социалистического (коллективистического) общества, что он пытался сделать и в своих учебниках [14, с. 282-286], и в своих утопических романах. Но Богданов (еще в 1912 г.!) увидел и другое: милитаризм враждебных друг другу наций может использовать «открытия науки о строении материи» для всепланетного опустошения [5, с. 204].

Класс исторического момента и линии социального прогресса

Когда предсказанное Р. Гильфердингом и И. Степановым перерастание империализма финансового капитала в мировую войну стало фактом, со своим анализом империализма выступили Н. Бухарин [19, с. 4-48] и В. Ульянов-Ленин [49, т. 30, с. 163-179]. Они были убеждены в том, что наступила последняя фаза развития капитализма, создающая необходимые предпосылки для мировой пролетарской революции. Причем реальнее всего, прорвав «слабое звено» цепи империализма, революцию начать в России [59, с. 168]. Чем и руководствовались большевики при взятии власти в октябре 1917 г.

Богданов, к 1917 г. в основном завершивший свой главный теоретический труд («дело жизни – Тектология»), оценил этот переворот как «военно-коммунистическую революцию», раскритиковав бывших однопартийцев в

книге «Вопросы социализма», гневными встреченной [20], и в письме новоиспеченному наркому просвещения Луначарскому [5, с. 352-355]. Богданов не был согласен ни с оценкой готовности пролетариата (не только русского, но и западного) к тому, чтобы возглавить социалистические преобразования, ни с выводами о наличии в государственно-монополистическом капитализме военного времени материальных предпосылок для таких преобразований. Произошло внедрение в организационные черты монополистического капитализма тенденций военного коммунизма, идущих от фронта (потребительная коммуна армии) к тылу (госрегулирование вплоть до принудительного синдицирования и трестирования и всеобщей трудовой повинности); но это, по словам Богданова, «крайнее смещение элементов прогрессивности и реакционности» нельзя считать приближением к социализму.

«Осадный» коммунизм, организовали, приспособляясь к войне и разрушению производительных сил, господствующие классы, но не смогли удержать в тех границах, в каких они его способны организовать. Эти границы были прорваны – прежде всего в России с характерной для нее организаторской слабостью буржуазии – военно-коммунистическим блоком трудовых низов, объединенных тяготением («равнение по низшему») к «социализму дележа». В этом блоке сплотились пролетариат, бедное крестьянство и ремесленное мещанство и солдатские низы армии, по социальному составу большей частью крестьянские и мелкобуржуазные. Эта разношерстная масса, повернув свои штыки против господствующих классов и пойдя за партией большевиков, выдвинулась как **класс исторического момента** [14, с. 264].

Однако «штык – не орудие творчества, и широта размаха не делает его таковым», – укоризненно писал Богданов в самом начале 1918 г. [9, с. 4], а позднее отмечал, что пролетариату в России не только приходится приноравливаться (в силу закона «слабого звена») к более отсталой части «блока трудовых классов», но и поневоле выполнять роль **зауряд-бюрократии** [8, с. 202]. И. Степанов отказался при публикации новых томов «Курса политической экономии» поместить в них главу Богданова «Военно-экономические формации» [14, с. 5]. Она вошла в последующие издания – уже периода НЭП, когда была оставлена политика «военного коммунизма». Но зато началась систематическая травля Богданова как отступника от марксизма, и, хотя его экономические учебники переиздавались вплоть до середины 1920-х гг., цензура не позволяла дополнять их анализом не только «социалистического строительства» в СССР, но и послевоенного капитализма на Западе.

Поэтому «организационный анализ» новых формационных тенденций Богданов в последние годы жизни излагал лишь в схематичной тезисной форме в рукописях, а в печати вынужден был ограничиваться продолжением сделанных им еще в начале века акцентов. Завершив разработку системы всеобщих организационных категорий, Богданов в начале 1920-х гг. специально остановился на вопросе о «редуктивном развитии» в условиях несоответствия количественного и структурного прогресса в системах. Размышляя об организационной диалектике редукции производительных активностей высших классов, Богданов заключил, что «судьба новейшей буржуазии определится также редуктивным развитием ее производственных функций. Что же каса-

ется судьбы современного общества в целом, то она будет зависеть от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии его низов» [10, с. 397].

Это соотношение Богданов связывал с воздействием на пролетариат «культурных линий новейшего капитализма» - «буржуазно-интеллигентского техницизма» и государственно-милитаристического «норматизма» [8, с. 131-132]. Проводниками обеих линий выступают две основные группы технической интеллигенции, превращающейся, по мнению Богданова, из «класса в себе» в «класс для себя», из промежуточной социальной группы в новую форму существования буржуазии как господствующего класса, оттесняя собственников-рантье. По своей индивидуалистической природе техническая интеллигенция не ассоциирует себя с переходом к новой формации («коллективистскому строю»), а пролетариат ввиду культурной несамостоятельности вынужден подчиняться указанным «культурным линиям» [8, с. 133-134]. Иными словами (прямо Богдановым не высказанными), вопреки ожиданиям марксизма, пролетариат в XX в. не оказался воплощением основной линии социального прогресса, а достаточные классовые силы для подлинно социалистического преобразования общества сложиться так и не успели.

Есть сопоставления взглядов Богданова с технократической концепцией основоположника американского институционализма Т. Веблена [32, с. 123-127] и с концепцией гегемонии одного из основателей *западного марксизма* (а до того – Института Пролеткульта в Турине и Итальянской компартии) и А. Грамши [69]. Грамшианская концепция культурной гегемонии действительно имеет много общего с богдановской

концепцией «подчинения культурным линиям капитализма», более детальное сравнение двух концепций еще предстоит сделать.

Перипетии формационного подхода и возникновение школы мир-системного анализа

После гибели Богданова и смерти Степанова в 1928 г. их версия политэкономии в широком смысле была голословно объявлена «механистической» и «внеисторической». Без обличений «богдановщины» не обошлась и развернувшаяся в конце 1920-х- начале 1930-х гг. дискуссия об азиатском способе производства, связанная с необходимостью выработки осмысленного отношения Коминтерна к революционным движениям на Востоке, особенно в Китае. В течение 1930-х гг. в СССР происходило спрямление формационного подхода в его линейную пятичленную версию, закрепленную как догма в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938). Следующий учебник политэкономии в широком смысле, инспирированный И. Сталиным, появился лишь после его смерти в 1954 г. и включал большой раздел «Политическая экономия социализма». Определяя предмет политэкономии как исторически меняющиеся «системы производственных отношений», учебник вводил понятия «основного экономического закона» и «основного экономического противоречия» для каждого из пяти *способов производства*.

Развитие формационного подхода в СССР, несмотря на развенчание культа Сталина, сковывалось догматическим «марксизмом-ленинизмом». Возобновившаяся полемика об «азиатском способе производства» не поколебала господства пятичленной формулы, а экономические дискуссии о «законе стоимости» и «законе планомерности»

носили нередко схоластический характер. Однако углубление представлений об экономике докапиталистических формаций стимулировало разработку отдельными историками и философами концепций единого *рентного* сословно-классового *способа производства* [38, с. 332-380]; многоукладной «большой феодальной» формации [43]; магистральных *социально-исторических организмов* (социоров) в *центре* исторического пространства и *параформаций* (от греч. *пара* – «около», «возле») в *периферийных зонах*

[64, с. 140 и др.].

За пределами СССР формационная проблематика наиболее ярко проявилась в изучении исторической динамики *центров* и *периферии капитализма* [23, с. 673-677].

Концепция динамики западного капитализма как последовательности лидерства «мир-экономик» с *доминирующими центрами*⁴⁹ была обоснована французским историком-экономистом Ф. Броделем (1902-1983), редактором журнала «Анналы. Экономика. Общество. Цивилизация». Концепция Броделя, помимо оригинальной «антропо-географической» складки, отличается от формационного марксизма отрицанием линейной последовательности «простое товарное производство – капитализм свободной конкуренции – монополистический капитализм (империализм)», а также социалистического (и вообще какого-либо оптимистического) финала истории. С этим связано и то, что академический «средиземноморский марксизм» Броделя [1, с. 378-379], ре-

троспективно выйдя далеко за пределы Марксова анализа исторического очерка возникновения капитализма в Западной Европе, останавливался, когда вставали вопросы об оценке перспектив глобального капитализма⁵⁰.

Концепция периферийного капитализма была выдвинута группой латиноамериканских экономистов во главе с экс-директором Национального банка Аргентины Р. Пребишем (1901-1986). Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки (исп. CEPAL, Comisión Económica para América Latina) разработала стратегию преодоления отсталости периферийных аграрно-сырьевых экономик от стран-лидеров Запада посредством импортозамещающей индустриализации. Противоречивый и, как правило», малоудачный опыт реализации такой стратегии не только в Южной Америке, но и в других странах «третьего мира» [62, с. 34], а также аргументы южноамериканских коммунистов о невозможности социалистических революций на континенте вследствие преобладания в его странах еще феодальных производственных отношений, вызвали появление депендетизма (исп. *dependencia* - зависимость) — концепций зависимого развития [64, с. 378]. Депендетисты объясняли воспроизводство экономической отсталости периферийных стран их неэквивалентным обменом с ведущими индустриальными центрами, предопределенным зависимым положением в капиталистической системе международного разделения труда.

⁴⁹ На последовательность северо-итальянские торговые республики – Соединенные провинции Нидерландов – Великобритания – США в смене центров торгового и промышленного капитализма указывали и Маркс с Энгельсом [52, т. 23, с. 758-759; т. 25, ч II, с. 478], и Степанов с Богдановым [12, с. 15-42].

⁵⁰ Любопытно воспоминание Броделя о советском медиевисте Борисе Поршневе (авторе, между прочим, единственного специального трактата по политэкономии феодализма) упрекавшем западных историков «в том, что мы пространно изучаем о происхождении и первых этапах капитализма, не проявляя интереса к его концу» [17, с. 647].

Среди выдающихся депендентистов - Андре Гундер Франк (1929-2005), предложивший понятие «развитие недоразвитости», и Самир Амин (р. 1931), обосновавший категории «периферийного способа производства» и «общественных формаций периферийного капитализма». Во время мирового структурного кризиса капитализма 1973-1982 гг. они объединились с бывшими африканистами Иммануилом Валлерстайном (р. 1930) и Джованни Арриги (1939-2007) в интернациональную школу мир-системного анализа, узлом которой стал организованный Валлерстайном *Центр имени Фернана Броделя* по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций при Бинхэмптонском Университете (Binghamton, шт. Нью-Йорк, США).

К тому времени (1979) вышли в свет (через 12 лет после 1 тома) 2-й и 3-й тома фундаментального труда Ф. Броделя *«Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle)*, сразу же переведенные на английский. Его последователи заявили о себе трактатами Валлерстайна *«Современная мир-система» (The Modern World-System, 2 тома, 1974-1980)*, *«Капиталистическая мир-экономика» (The Capitalist World-Economy, 1979)*; программным трудом Валлерстайна и его соратника-социолога Теренса Хопкинса (1929-1997) *«Мир-системный анализ. Теория и методология» (1982)* и «квартетом» «Банды четырех» (как шутливо прозвали Франка, Амина, Валлерстайна и Арриги) *«Динамика глобального кризиса» (1982)*.

Пространственно-временная триалектика экономических структур

Ф. Бродель в своем обобщающем исследовании динамики капитализма продолжил применение комплексного

подхода, сочетавшего структурирование антропо-географического пространства и социально-экономического времени и апробированного в прославившей автора книге *«Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949)*. Эта книга вывела на новый уровень изучение важнейшего поворотного рубежа европейской и всемирной истории, значение которого подчеркивали и Карл Маркс (образование мирового рынка), и русско-французский антропогеограф Лев Мечников (начало океанической эпохи стремления западной цивилизации стать универсальной⁵¹), и германский социолог, экономист и историксоф Альфред Вебер («стягивание Земли Европой») и многие другие. Бродель ввел для всемирно-исторического рубежа, когда произошло превращение Атлантического океана в главный путь международной торговли, определение *«долгий XVI век»*.

И в пространстве, и во времени Бродель выделил **три уровня**, на которых протекают социально-экономические процессы.

Экономические взаимодействия, порожденные развитием элементарного хозяйственного быта (материальной цивилизации) и рынков на более или менее обширном географическом *пространстве*, структурируют его на доминирующий центр-«сверхгород» (1), относительно развитые второстепенные области (2) и окраины, ресурсы которых перераспределяются центром в свою пользу (3). Определённое органическое единство этих уровней Броделем на-

⁵¹ Считаю необходимым указать на один пробел в моей давней статье о Л.И. Мечникове [29]. В ней не сказано, что именно он увлек молодого энтузиаста Н.Н.Миклухо-Маклая идеей об экспедициях к папусам Новой Гвинеи для исследований, опровергающий расистские тенденции западной антропологии и этнографии [36, с. 361-362].

звал «**миром-экономикой**» (*l'economie-monde*). [17, с. 14, 32].

Рутинные процессы *материальной цивилизации* медленно разворачиваются в обусловленных безличными географическими и производительными силами **структурах повседневности** во времени *большой длительности* (*la longue durée*) (3). Между ним и *поверхностным* уровнем отдельных более или менее значимых *событий* (1) находится промежуточный уровень **конъюнктур**. Конъюнктура — цикл продолжительностью от 50 до 100 лет, когда меняются *численность населения, технология* и масштабы **цен**; происходят сдвиги, подрывающие структуру [17, гл. 1].

От конъюнктур зависят общие перемены и ритмы жизнедеятельности наций и социальных групп, вовлеченных в рыночные **игры обмена** и **накопление капитала**, где тон задают **города**. Это — **асимметричный** процесс, что «обозначается тем отчетливее, чем длиннее становятся торговые цепочки между непосредственными производителями и конечными потребителями, когда от разрыва прямой связи решающими преимуществами обладает купец, и исключительно ярко этот процесс проявляется в торговле на дальние расстояния». В силу асимметрии возвышаются активные иерархические социальные структуры, которые, **опираясь на монополии де-факто**, искажают ход обмена в свою пользу, расшатывают установившийся порядок, осуществляют манипуляции, о которых масса людей не имеет понятия, - например, *сложное искусство денежного курса*. Накопление капиталистического богатства реализовало власть над *неэквивалентным обменом*. Решающими преимуществами Запада в масштабе всего мира стали **организованные рынки**, центры которых сменяли друг друга как общеевропейские и затем мировые

финансовые центры, манипулирующие перераспределением ресурсов с периферии: Венеция — Антверпен - Генуя - Амстердам — Лондон — Нью-Йорк.

«Подлинная судьба капитализма была в действительности разыграна в сфере социальных иерархий» [15, с. 71] - вопреки тому, что утверждает аксиоматика экономической теории мейнстрима: «капитализм — это рыночная экономика с рассредоточением экономической власти и простым механизмом контакта между покупателями или предъявителями спроса, или продавцами, или поставщиками товара и услуги» [51, с. 53].

Но, кроме того, на этот раз вопреки уже марксизму II и III Интернационалов, империализм соответствует не только «новейшему» (вовсе не последнему) этапу капитализма. Империализм — это обретение «услужливой помощи чужого труда», без которой не смог бы развиваться капитализм [15, с. 98]. **Плантационное рабство** в колониях — это не пережиток рабовладельческой формации, как утверждалось в линейном пятиформационном подходе [46, с. 107], также как и второе издание крепостничества в Европе к востоку от Эльбы — не просто процесс рефеодализации. Это — оборотная сторона торгового капитализма, удел периферии возникшего европейского мира-экономики [16, с. 264-265].

Мир-системная триалектика

Помимо концепции Ф. Броделя и экономических теорий периферийного капитализма и длинноволновой динамики, на методологию мир-системного анализа повлияли экономическая антропология канадского ученого венгерского происхождения Карла (Кароя) Поланьи (1886-1964) и теория диссипативных структур бельгийского физико-химика российского происхождения Ильи Пригожина (1917-2003).

К. Поланьи в своей статье «Экономика как институционально оформленный процесс» (1957) обосновал классификацию трех главных институциональных типов взаимодействий по поводу получения благ и услуг: реципрокность (от лат. *reciprocus* — «возвращающийся»), редистрибуция (лат. *redistributio* — «перераспределение») и рыночный обмен. Реципрокность означает передачу продуктов и оказание услуг даром в соответствии с заведенным порядком в сообществе (кровные, соседские или какие-то иные узы); редистрибуция — властное принудительное перераспределение для концентрации потребительских благ и ресурсов в центре. Это более древние, но не исчезающие **способы экономической координации**, основным механизмом которой в индустриальном обществе является система ценообразующих рынков. «В XX в. с падением золотого стандарта началось сокращение роли рынков в мировом хозяйстве по сравнению с XIX в.» [61, с. 73].

И. Валлерстайн применил классификацию Поланьи для типологии *исторических систем* как главных единиц мирового развития: на реципрокности основаны *мини-системы* (которым не уделяется специального внимания в мир-системном анализе); на редистрибуции — мир-империи; на ценообразующих рынках — мир-экономики. Но все предыдущие мир-экономики оказывались непрочными и либо распались, либо поглощались редистрибутивными *мир-империями* — крупными, более или менее длительными, территориальными образованиями с централизованной политической властью, в которых политика доминировала над экономикой, а связность поддерживалась военной силой и бюрократией. И лишь современная западоцентричная мир-экономика, в течение «долгого XVI века» одержав

победу над крупнейшей тогдашней мир-империей — католической монархией испано-австрийских Габсбургов, а затем и над другими мир-империями, превратившись в *глобальную историческую систему*.

Связность капиталистической мир-системы обеспечивается не политическими институтами, существующими за счет налогов и дани, а относительно автономными и притом расширяющимися цепочками рыночного обмена, структурирующими международное разделение труда. Оно определяет иерархию мир-системных пространственных уровней (зон, ярусов). Валлерстайн ввел принципиально значимое понятие **полупериферийной** структурной позиции (зоны, яруса) между «**ядром**», **центром** (*core*) и окраинными, **периферийными** зонами мир-системы. Полупериферия необходима, чтобы сделать функционирование капиталистической мир-экономики более плавным при прогрессирующем системном расхождении МСЯ и периферии.

В странах ядра было достигнуто **отраслевое разнообразие (диверсификация)** сельского хозяйства и растущей обрабатывающей промышленности, требующее труда более высокой квалификации, что способствовало развитию отношений **аренды и вольного найма**. Там же были сосредоточены передовые технологии и фундаментальная наука. Напротив, в периферийных регионах, специализирующихся на экспорте зерна, растительного сырья (древесина, хлопок, сахар и т.п.) и драгоценных металлов, формами контроля над трудом стали *барщина* и *рабство*, торжествовала клерикальная реакция. Недостаток «отраслевой решётки» повлек расстыковку различных секторов хозяйства (прежде всего аграрного и индустриального) и подчинённое положение на мировом рынке.

При образовании капиталистической мир-системы ее ядро (МСЯ) составили приатлантические страны северо-западной Европы (Нидерланды, Англия, Франция). Ослабевшие западносредиземноморские и центральноевропейские страны (Испания, Италия, Германия), вытесненные на полупериферию, в него не попали, хотя активно участвовали в перераспределении к центру ресурсов (золото, серебро, пряности) от периферийных отсталых регионов.

Отправляясь от эволюционной «философии нестабильности» И. Пригожина, подчеркивающей значимость уникальных событий и непредсказуемость макроструктур, возникающих при выходах из кризисных состояний («порядок из хаоса»), Валлерстайн полагает, что северо-западная Европа оказалась в XVI в. лучше приспособленной для *диверсификации* сельского хозяйства, промышленности и торговли благодаря *серии случайностей* – исторических, географических, экологических. Но, возникнув как глобальная система с северо-западноевропейским МСЯ, капиталистическая мир-экономика стала определяющей, первичной по отношению к национальным экономикам, и постепенно подчинила себе все мир-империи и мини-системы. И, как историческая система, она имеет не только начало, но и конец.

Гегемонии в капиталистической мир-системе

Хотя капиталистическая мир-система изначально — межгосударственное образование, в МСЯ — арена конкуренции между сильнейшими *национальными государствами* — «великими державами» — за **гегемонию** в глобальном пространстве развития. Гегемония заключается в способности одновременном (сравнительно корот-

ком) превосходстве капиталистических предприятий данной великой державы в трех сферах: материального производства (сельскохозяйственного и промышленного), торговли и финансов.

Смена гегемонии происходит в результате жестокой борьбы, вызывающей примерно 30-летние периоды войн. И. Валлерстайн насчитал лишь три случая мир-системной гегемонии: **Голландской Республики** (Соединенных провинций Северных Нидерландов) после Тридцатилетней войны (1618—1648) в Европе; *Соединенного Королевства Великобритании* после его победы в европейской монархической коалиции в войнах с республиканской и наполеоновской Францией (1792—1815); **Соединенных Штатов Америки** после двух мировых войн (1914—1918 и 1939—1945) XX в., в которых потерпела поражение также притязавшая на новую гегемонию Германия «второго» и «третьего» рейхов [21, с. 101]. В линейно-формационном подходе мир-системные гегемоны воспринимались как «образцовые страны» стадий капитализма: Голландия (Северные Нидерланды) — торгового (мануфактурного); Великобритания — фабричного эпохи свободной конкуренции; США (и их конкурент Германия) — монополистического.

Гегемония чередуется с соперничеством за нее; чередуются и фазы подъема и спада (конъюнктурные циклы большой длительности), налагающиеся, однако, на *тренды* накопления капитала, меняющие конфигурацию «центр — полупериферия — периферия». США и Германия стали наиболее могущественными из держав, которым удалось через полупериферию прорваться в «ядро», используя силу своих государственных механизмов для *обгоняющего* экономического *развития*.

Дж. Арриги, развивая вслед «итальянскую» (средиземноморскую) версию генезиса капитализма, предложил концепцию **системных циклов накопления**, запущенных передачей избыточного капитала в ликвидной (денежной) форме из торгово-олигархических центров (возникших благодаря левантской торговле и крестовым походам) в центры экспансионистского территориализма (возникшие из межгосударственных конфликтов в Европе). Сочетание капитализма и «территориализма» (при конкуренции раздробленных европейских государств за мобильный капитал, снующий в поисках наиболее выгодного применения в космополитическом пространстве ликвидности) породило четыре цикла накопления (Д — Т — Д') в капиталистической мир-системе, слагающиеся из фаз материальной экспансии (Д — Т; денежный капитал приводит в движение растущую массу товаров (Т), включая превращенную в товар рабочую силу и природные ресурсы) и финансовой экспансии (Т — Д'; накопление через финансовые сделки). Последовательные системные циклы накопления пересекаются друг с другом в начале и конце, но каждый имел своего **гегемона**, причем каждый новый цикл приводил к глобальному расширению влияния гегемона и передаче избыточного капитала из сложившихся центров капиталистического развития к зарождавшимся:

генуэзско-иберийский цикл (с XV до начала XVII в.), когда на деньги генуэзцев

(городской деловой диаспоры) происходило испанское завоевание Нового Света, привлечшее в Европу обилие звонкой наличности;

голландский цикл (с конца XVI до конца XVIII в.), когда голландцы добились

того, чего не смогли сделать для себя генуэзцы, то есть обеспечили опору на собственные силы в ведении войны и создании (протонационального) государства (Соединенные Провинции) и его заморских акционерных компаний;

британский цикл (с середины XVIII до начала XX в.), когда многонациональное

государство (Великобритания) опиралось в своей экономической экспансии на кругосветную данническую империю;

американский цикл (с конца XIX в. по наст. время), когда государство-континент (Соединенные Штаты) опиралось на общемировую систему военных баз, ТНК и институтов мирового правления.

Мир-системный генезис политэкономии

Последовательность гегемоний в капиталистической мир-системе, установленная И. Валлерстайном и Дж. Арриги, подтверждается историей возникновения и эволюции политической экономики. Незадачливый авантюрист А. Серра, которого историки-политэкономы XIX в. не раз выдвигали на место основателя политэкономии, а в наше время его темная фигура снова высвечена идеологами «Другого канона» (немэйн-стримного) экономической мысли [63, с. 67], сетовал на бедность родного Неаполя в противоположность процветающим Генуе и Венеции [54, с. 100]. Другие, более удачливые из ранних доктринеров *меркантилизма* добавляли к ряду преуспевших в активном торговом балансе стран Голландию [54, с. 114], а более поздние доктринеры и *практики* активного торгового баланса уже почти единодушны в смеси восхищения и завистливой злобы к достижениям Ни-

дерландов. В статье, посвященной 400-летию выхода «Трактата политической экономии» А. де Монкретьена, я назвал это сочинение «ярким взглядом изнутри «ядра» сформировавшейся капиталистической мир-системы» [28, с. 81]: темпераментный француз негодует, что вездесущие голландцы не только ввозят в его страну новые товары, но вытесняют его соотечественников с их традиционных рынков. А еще более гневные обличения Ю. Крижаничем «чужебесия» попеременно с lamentациями по поводу неумения «всего народа славянского» торговать – глас вопиющего с восточно-европейской периферии [30, с. 255, 257].

Но настоящим зеркалом мир-системной гегемонии и соперничества за нее внутри «ядра» является «Политическая арифметика» У. Петти – автора, признанного К. Марксом зачинателем классической политэкономии. Петти раскрывает причины лидерства голландцев вплоть до пронизательного описания диверсификации судостроения и выгод от торгово-мануфактурной специализации в международном разделении труда, переложившей наиболее хлопотливые занятия (хлебопашество и разведение молочного скота) на восточных соседей – поляков и датчан [58, с. 171]. Но одновременно ушлый сэр Уильям был уверен в том, что у его родной островной Англии достаточно шансов для усиления флота и для того, чтобы превзойти соперницу-Голландию на море и приводить в движение торговлю всего мира, а Франции такого не добиться [58, с. 179]!

Ф. Кенэ, основатель первой школы экономистов, был уже современником лидерства Англии – причем не только в торговле и мануфактуре (которые физиократы, как известно, считали непроизводительными сферами деятель-

ности), но прежде всего в укрупненном *полеводстве*, вдвое более производительном, чем «мелкая культура» бедняков [42, с. 124]. Кенэ отметил, что *фермерская «большая культура»*, одна только и приносящая *чистый продукт*, в Англии – правило, а во Франции – исключение (берега Ла-Манша и Иль-де-Франс). Но ни Кенэ, ни А. Смит, считавший сельскохозяйственный труд наиболее производительным видом труда, ни Рикардо, ни Маркс и марксисты не разглядели за английским капиталистическим фермерством заимствованного из *Нидерландов многопольного севооборота*, сделавшего возможным в странах северо-западной Европы *интеграцию земледелия и животноводства* с полным использованием пашни и круглогодичным обеспечением скота кормами. Всемирно-историческое значение этого агротехнического переворота, позволившего перейти к *поступательному расширенному воспроизводству* и перемещению рабочей силы в промышленность, было в начале XX в. раскрыто русским ученым Н.П. Огановским [31, с. 46]. И. Валлерстайн же показал в первых двух томах своего труда «Современная мир-система», что диверсификация сельского хозяйства Голландии и других стран формирующегося МСЯ стала предпосылкой диверсификации его экономики в целом, а периферийное «второе издание крепостничества» следовало за монокультурной аграрной специализацией.

Система категорий Смита – Рикардо и общеевропейское признание ее превосходства и как научной теории, и как обоснования практической политики *laissez faire* (манчестерству) – плод окончательной победы Англии в борьбе за мир-системную гегемонию и возвышения фабричной Великобритании как монопольной «мастерской мира». Ее

главная соперница – Франция – проиграла, но осталась в МСЯ и, по словам Энгельса, «основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна» [52, т. 21, с. 278]. Эта «чистота» проявилась и в характере французской либеральной политэкономии – «вульгарной», по определению Маркса, и сугубо вторичной по отношению к смитианству и манчестерству, в примитивных толкованиях «естественных законов» свободной конкуренции.

Британская гегемония породила и символ веры экономического либерализма XIX в. – триаду принципов, обоснованных Рикардо:

- 1) рынок наемного труда является саморегулируемым механизмом, не допускающим вмешательства государства и рабочих союзов в установление заработной платы;

- 2) создание денег должно быть подчинено автоматически действующему механизму *золотого стандарта*;

- 3) свободное движение товаров из одной страны в другую выявляет для каждой *сравнительные преимущества* специализации [60, с. 152].

Из отрицания первого из этих принципов выросли социализмы – утопический, революционный и «катедер-», из отрицания второго – кейнсианская макроэкономика (разновидность, говоря словами Богданова, «буржуазно-интеллигентского техницизма»), из отрицания третьего, трансформированного некейнсианцами в принцип «факторных преимуществ», – «Другой канон», восходящий к «воспитательному протекционизму» Ф. Листа [63, с. 89].

В предисловии к переизданию 1-го тома его книги в XXI веке Валлерстайн соглашается с теми, кто оценил ее как «внушительную попытку» исторического опровержения закона сравнитель-

ных преимуществ Рикардо - «ключевой предпосылки макроэкономического мейнстрима» [22, т. I, с. xxii]. История капиталистической мир-системы показывает, что обмены между странами, занимающими неравные структурные позиции в международном *осевом* разделении труда, не являются взаимовыгодными [22, т. II, с. xii].

Идеологии капиталистической мир-системы и геокультура развития

Либерализм занял центр политического полукруга *великих идеологий* мир-системы, возникших после «двойственной революции» - промышленного переворота в Англии и Французской революции 1789 г. Либерализм оформился почти одновременно с консерватизмом; это были разные ответы на идею нормальности изменений и суверенитета народа [21, с. 191]. Консерватизм противопоставил просветительскому рационализму и лозунгу «свобода, равенство, братство» традиционалистский порядок сословности, религии, семьи. Либерализм стал обоснованием нормальности изменений, но изменений в политике умеренных и проводимых меньшинством, а в экономике - определяемых свободной конкуренцией на рынках при невмешательстве государства.

Социализм и его радикальный вариант – коммунизм (стратегия поляризации классовых интересов) - напротив, требовали изменений быстрых в интересах большинства, в направлении к более эгалитарному обществу.

Слово «социализм» было введено сен-симонистами в начале 1830-х гг., вскоре после того, как С.-А. Базар и Б.П. Анфантен резюмировали идеи учителя об исторической противоположности эксплуататоров и эксплуатируемых и

сформулировали принцип грядущей «всемирной ассоциации»: «каждому по его способности, каждой способности по ее делам — вот новое право, которое заменит право завоевания и право рождения»

[37, с. 110-111].

Понятие «коммунизм», пущенное в оборот журналистами-утопистами в Англии и во Франции в 1840 г. [55, с. 63-65], быстро распространилось на европейском континенте

[52, т. 1, с. 529-537], а «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса выразил революционный дух Европы 1848 г.

Уроком для социализма из поражений в 1848 г., по мнению Валлерстайна, был вывод о том, что достижение каких бы то ни было положительных результатов через спонтанное политическое восстание или массовые действия сомнительно (так как государственные структуры были достаточно прочны, а репрессивные меры оказывались несложными и действенными). Зародилась социалистическая стратегия двух этапов борьбы за политическое завоевание государственных структур: на первом этапе, создавая свои анти-системные контрорганизации (партии), через них обрести власть; на втором ею воспользоваться, чтобы трансформировать общество (или прийти к социализму).

Экономический либерализм, стал, по определению И. Валлерстайна, *геокультурой* национального развития [21, с. 190], добиваясь от соперничающих идеологий «справа» и «слева» смещения к «центру» и рассчитывая на интеграцию «опасных» классов внутри МСЯ посредством тройной программы реформ: 1) постепенное наделение всеобщим избирательным правом; 2) социальная политика благосостояния; 3)

формирование (через армию и начальную школу) национального самосознания. «Программа строилась на надежде и предположении, что простой народ будет умиротворен этой ограниченной передачей благ и потому не будет оказывать давления ради осуществления своих «прав человека» [21, с. 196].

Британская гегемония достигла пика в третьей четверти XIX в. («эра фритредерства» в Европе и полное подчинение Индии), но одновременно началось *расширение мир-системного ядра*, куда «прорвались» несколько новых индустриальных стран. Крупнейшие из них – избежавшие распада США и объединенная Германия - в течение мир-системного кризиса 1873-1895 гг. (первой Великой депрессии) и последующего конъюнктурного подъема бросили вызов Англии. Они значительно превзошли ее по темпам промышленного роста, особенно в машиностроении и совсем *новых отраслях* промышленности (электрическая, нефтяная, анилино-красочная и др.), а США – и по общему объему промышленного производства. Но, кроме того, новые претенденты на мир-системную гегемонию стали примером *геокультуры развития*, отличной от классического либерализма: это касалось и политики «воспитательного протекционизма», и новой структуры отраслевых рынков, обусловленной монополистической реализацией своих преимуществ крупнейшими технически наилучше оснащенными предприятиями [39, с. 21]. Американские миллиардеры и «изобретатель № 1» Эдисон стали символами предпринимательского успеха и технического гения человечества, а в политической экономии германская «молодая» историческая школа стала теснить классическую школу. Германские политэкономы не только анализировали новые организацион-

ные формы крупной промышленности (картели, синдикаты тресты), но и обосновывали активную промышленную и социальную политику, доказывая, что невмешательство государства не есть естественное состояние. Наконец, Германия намного превосходила все прочие страны по размаху *кооперативного движения* [65, с. 450], а германская социал-демократия была наиболее влиятельной из европейских революционных партий, и практически все в международном социалистическом движении, включая большевиков, ожидали, что первым «социалистическим» государством станет Германия [21, с. 253].

Полупериферийная Россия

Российскую империю Валлерстайн рассматривает как бывшую мир-империю, инкорпорированную капиталистической мир-системой как полупериферия. Полупериферийную позицию обеспечили крепкая государственность и внушительный военный потенциал, вовлечение «при шпаге» в европейскую геополитику [24, с. 38]. Добавим, что образцы для преобразований в европейскую державу царизм брал прежде всего из стран, соперничавших за мир-системную гегемонию, - Нидерландов и Англии

[27, с. 17], а также из полупериферийных скандинавских стран, входивших в «голландский культурный круг» [56, с. 56].

Взлет уральской металлургии в XVIII в., с одной стороны, был стимулирован вхождением России в мир-систему [22, т. III, с. 201], с другой стороны, обеспечил ресурсную базу для растущего статуса России как великой европейской военной державы. Однако вместе с вестернизацией в Россию пришло ужесточение крепостничества, охватившего и промышленность, а уже первый тор-

говый договор Российской империи с Англией (1734) был неравноправным. Условия рыночного обмена с МСЯ ухудшались, и на первом месте в русском экспорте закрепилось растительное сырье (пенька, лен), а затем зерно. Британский промышленный переворот спровоцировал «коллапс российской экспортной металлургии» [22, т. III, с. 175] и закрепление на весь XIX в. первой строчки среди статей русского экспорта за хлебом; превращение зерна в главный экспортный продукт законсервировало в России «второе издание крепостничества». Оно, а затем поражение в Крымской войне, выразили **сползание страны на периферию**.

Отмена крепостного права и другие реформы Александра II были попыткой сделать Россию развитой капиталистической страной. Но сползание на периферию продолжалось; Великая депрессия 1873-1895 гг. выявила ощутимый недостаток ресурсов в России для того, чтобы прорваться в ядро наподобие Германской империи. Бюрократически направляемое *догоняющее развитие* (реформы Витте и Столыпина) не вывело страну из тупика и не избавило от внешних военных поражений и внутренних революционных взрывов.

Первую систематическую разработку истории России с позиций мир-системного подхода осуществил Б.Ю. Кагарлицкий, редактор первого на русском языке сборника трудов Валлерстайна. Россию Кагарлицкий характеризует как *периферийную империю*, прослеживая изменение структуры русского экспорта и хозяйства в целом под воздействием внешнеэкономической конъюнктуры (например, двукратное увеличение в нем доли хлеба сразу после отмены Хлебных законов в Англии [40, с. 301]) и долговую зависимость царизма от банков Лондона и Парижа - ради пода-

вления революций (от венгерской 1848 г. до русской 1905-1907 гг.).

Кагарлицкий не использует категории «полупериферия». На мой взгляд, однако, характеристика ПОЛУпериферийной позиции Российской империи является точной. Какими болезненными ни были бы поражения в Крымской и японской войнах, Россия сохраняла статус великой военной державы, содействовала – вопреки англо-французской поддержке сепаратизма рабовладельческого Юга – победе аболиционистского Севера в гражданской войне в США, небезуспешно вела в Азии геополитическую «большую игру» с Англией, участвовала в разгроме периферийного Китая. В 18 в. в Россию в большом количестве ввозились китайские хлопчатобумажные ткани, но к началу 20 в. слово «китайки» осталось только в словаре Даля; Россия не только стала обеспечивать себя основным видом массовой промышленной продукции – текстилем, но и вывозить его в Китай. В начале 19 в. первое место в российском импорте занимали хлопчатобумажные *ткани* (готовая продукция), в середине века – бумажная *пряжа* (полуфабрикат), в конце – хлопок-сырец. Но в то же время ведущую отрасль своей промышленности, также как и ведущий сектор – сельское хозяйство – Россия не могла обеспечить собственным машиностроением. Машины составляли главную статью ее импорта (около 12%), тогда как в экспорте преобладали зерновые (40%) и лес (10%); причем почти половина экспорта и импорта России приходилась на одну страну – Германию.

Германия, бросавшая, как уже было сказано, вызов британской гегемонии в мир-системе, была образцом как для реформаторского слоя правящих классов в Российской империи (в курсе на индустриализацию, проводимом ми-

нистром финансов Витте), так и для революционных «антисистемных» сил. И. Валлерстайн характеризует «ленинистскую стратегию» как эффективную именно в полупериферийной стране, которую можно считать либо слабейшей в промышленном отношении из держав ядра, либо сильнейшим из аграрных государств периферии [21, с. 253-254]. В российских городах в 1917 г. была база успешного восстания, которой не было в антисистемных движениях периферии – «рабочий класс и интеллигенция определенной численности и уровня сознательности». Такое восстание было проблематично и внутри МСЯ, где у рабочего класса уже появилось достаточно возможностей, более привлекательных в краткосрочном плане и не требовавших непомерного риска, связанного с повстанческой деятельностью [21, с. 255].

Добавим, однако, что Ленин и окружавшие его экономисты-«максималисты» (руководители ВСНХ, в частности) рассчитывали не только на продолжение «мировой революции», но и на возможность опоры на сложившиеся время мировой войны – и прежде всего в Германии(!) – формы «государственно-монополистического капитализма» [49, т. 34, с. 192], «наполняемые пролетарским классовым содержанием» [47, с. 5-6]. Более того, Ленин полагал, что российская «диктатура пролетариата» сможет трансплантировать и трансформировать *институты* другого претендента на мир-системную гегемонию – США: тресты, «американское народное образование», «научную организацию труда» [49, т. 36, с. 550; т. 28, с. 134].

Валлерстайн сводит революционную суть *ленинизма* сводит к 1) разрыву с другими социалистами (II Интернационала) за то, что они превратились в

либерал-социалистов и потому уже не являлись антисистемной силой, 2) стратегии идти дальше и быстрее, используя давление народа, по пути общественных преобразований и 3) союзу в антиимпериалистической борьбе с периферийными нациями. Но одновременно основатель Коминтерна и СССР оставил лозунг «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация все страны», а его наследники, добавим, провозгласили курс на социалистическую индустриализацию, подразумевающий превращение СССР «из страны, ввозящей машины, в страну, производящую машины». На основании лозунгов и результатов советской индустриализации Валлерстайн предложил трактовку ленинизма как альтернативной геокультуры национального развития. Альтернативной, но все вторичной по отношению по отношению к либерализму МСЯ - полупериферийным вариантом либерализма на мировом уровне.

Этот заведомо спорный вывод отражает взгляды Валлерстайна на эволюцию капиталистической мир-системы в XX в.

Геополитика, геоэкономика и тупик геокультуры развития?

Как уже было сказано выше, мир-системный подход рассматривает две мировые войны XX в. и период между ними как новую «Тридцатилетнюю войну» (1914—1945), в результате которой произошла смена гегемона: Великобритания утратила это место, а занявшие его США одолели притязавшую на новую гегемонию Германию. А «построение социализма» в СССР и образование «мирового социалистического лагеря» Валлерстайн не только не считает прорывом в посткапиталистическую формацию, но рассматривает лишь как «второй план» этой «борьбы за смену гегемона».

Валлерстайн признает, что большевики и приходившие при их поддержке к власти коммунистические партии других стран принимали «законодательство, кладущее конец капитализму» (отмена частной собственности на средства производства), чего не делали приходившие к власти партии Социалистического Интернационала, вводившие «государство всеобщего благосостояния» [21, с. 253, 251]. Но антилиберальный марксизм-ленинизм разделял с либерализмом «завроженность идеей прогресса», и «строительство социализма» оказалось вариантом догоняющего национального развития. И в качестве такового, - с одной стороны, продолжением догоняющей индустриализации, с другой стороны – примером и программой автономного социально-экономического развития полупериферийных и периферийных государств. Благодаря громадным размерам и исключительным геоэкономическим ресурсам СССР оказался способен противостоять западному военному давлению и добиться геополитической мощи, гораздо большей сравнительно с разрушенной Российской империей, а технологические достижения СССР были предметом гордости коммунистических партий у власти и путеводной звездой⁵² для национально-освободительных (антисистемных движений) движений в третьем мире

[21, с. 260].

Но все это, по мнению Валлерстайна, было лишь дополнением той геокультуры развития, которую стали навязывать всему миру США, манипулирувавшие лозунгом «самоопределения наций», чтобы подорвать европейский империализм. Этот лозунг, брошенный

⁵² Чрезвычайно выразительное свидетельство космического примера СССР для революционных повстанцев «третьего мира» см. [2, с. 99].

президентом США и незадачливым основателем Лиги наций В. Вильсоном, Валлерстайн расценивает как «всемирный эквивалент всеобщего избирательного права», применение либеральной идеологии во всемирном масштабе с целью политической и идеологической интеграции периферии в мир-систему. Поскольку аналогичная формула была провозглашена после Октябрьской революции в «Декларации прав народов России», подписанной В. Ульяновым-Лениным и И. Джугашвили-Сталиным, Валлерстайн выдвинул концепцию «вильсонизма-ленинизма» как доктрины национального развития, обращенной к народам полупериферии и периферии и сулившей им экономический подъем до уровня стран мир-системного ядра, если следовать западным либо советским образцам.

Первая половина «послеялтинского» биполярного мира (1945-1967 гг.) пришлось на фазу конъюнктурного подъема очередной длинной кондратьевской волны. За время невероятно бурного развития капиталистическое МСЯ расширилось, включив почти всю Западную Европу и Японию, а темпы экономического роста стран СЭВ были замечательными. Однако успехи СССР и Восточной Европы были достигнуты благодаря резервам экстенсивного роста и не преодолели разрыва с западным «консьюмеризмом». Хрущев со своей верой в советскую риторику наивно пообещал рост потребления широким слоям, не только сильно недооценив объем спроса, но и не учтя предстоящего конъюнктурного спада длинной волны. На ее нисходящей фазе это обернулось критической неудовлетворенностью ожиданий и технологическим отставанием.

Политические вспышки и потрясения 1968 г. - от студенческого бун-

тарства на Западе до атак маоистской молодежи на старшие партийные кадры в КНР - Валлерстайн расценивает как вторую после 1848 г. *всемирную революцию* и начало заката обоих конкурирующих проектов геокультуры национального развития - вильсонизма и ленинизма, за фасадом «холодной войны» установивших «контролируемое соперничество-партнёрство» сверхдержав. «Новые левые» выступили против «старых левых», которые участием в проведении политики экономического роста и увеличения объема выпускаемой продукции интегрировались в мир-систему вместе с их социальной опорой - индустриальным рабочим классом. Эпоха национального освобождения стран третьего мира исчерпала себя, поскольку пришло осознание того, что достигнуты пределы расширения МСЯ, и обещание преодолеть (или хотя бы сократить) разрыв между ее различными ярусами невыполнимо. Поворотным пунктом в развитии периферии Валлерстайн считает исламскую революцию в Иране - не под левыми, секулярными и универсалистскими, а под религиозными и партикуляристскими лозунгами.

Что касается СССР, то он, по мнению Валлерстайна, остался «полупериферийным блоком» капиталистической мир-системы - «военным гигантом, у которого, однако, было хронически слабое экономическое «сердце» и случались закупорки в «сосудах» бюрократического управления» [24, с. 39]. Промышленность СССР и союзных ему государств становилась все менее конкурентоспособной и оттого все менее способной вносить свой вклад в догоняющее развитие. События же 1989-1991 гг. окончательно завели в тупик геокультуру национального развития. Но в эти годы обрушилось то, что начиналось не только в 1945 г. и 1917

г., но и в 1848 г. и 1789 г., а именно – доктрина необратимой прогрессивной трансформации.

К новой политэкономии в широком смысле

В начале XXI в. мир-системный подход заслужил репутацию наиболее перспективной методологии для описания крупномасштабных исторических процессов [45]. Однако вследствие серьезных расхождений и между основателями школы [3, с. 24-25; 67, с. 32], и между теми, кто развивает их концепции, сами понятия мир-системного подхода и мир-системы (миросистемы) остаются недостаточно строгими. Например, группа российских авторов, стремящихся к математическому моделированию исторических систем, в качестве отправного пункта принимает весьма расширительную интерпретацию Мир-Системы [34, с. 22], более соответствующую позиции А. Г. Франка, который в итоге решил вообще «отказаться от дефиса» и говорить о «мировых системах»

[68, р. 221-228].

Никем из российских обществоведов, в большей или меньшей степени признающих плодотворность мир-системного подхода, не разделяется интерпретация И. Валлерстайном российской и особенно советской истории. Но отрицание некоторых существенных обобщений мир-системного анализа не мешает развитию концепций, соответствующих его духу и проливающих новый свет на судьбы исторических систем, траекторию экономического развития России и пертурбации СССР.

Например, А.И. Фурсов, первым в российской научной литературе изложивший основные идеи мир-системного подхода и одновременно вступивший в полемику с И. Валлерстайном, предположил, что «современная мир-система»

- более широкое (а не тождественное, как полагает Валлерстайн) историческое образование, чем капиталистическая мир-система, и в 1920-80-е гг. включало в себя СССР как новую («антикапиталистическую») мир-империю [66, с. 39].

Б. Ю. Кагарлицкий детально проанализировал воздействие Великой депрессии 1929-1933 гг. на эксцессы «великого перелома» в СССР (административное «подхлестывание» промышленности и экспорта, коллективизация, развертывание лагерного труда, голод), убедительно показав, что крупнейший мир-системный кризис затронул СССР иначе, чем Германию или США, но не менее судьбоносно [40, с. 450]. Миллионными жертвами были оплачены советские потери от обвала цен на зерно и другие ресурсы и от колебаний валютных курсов, периферийная зависимость от английского экспортного рынка и импорта американского и германского оборудования. Но отсоединение от мирового рынка капиталов и системы международного разделения труда позволило мобилизовать ресурсы на *социалистическое накопление*, осуществить догоняющую индустриализацию на основе передовых «фордистских» технологий.

Согласно концепции «мутантного социализма» А. В. Бузгалина, сочетание в СССР ростков *посткапиталистических* отношений с возвратом к формам *внеэкономического принуждения* (закрепощение крестьянства в колхозах и рабский труд в концлагерях) было продолжением революционной инициативы 1917 г., проявленной в стране, еще далекой от решения задач буржуазного развития, в то время как мировая война, предельно обострив противоречия капитализма, сделала выход за его пределы настоящей всемирной потребностью [18, с. 14].

Ю.И.Семенов, признавая ключевое значение проблемы «центр-периферия» для всех классовых обществ, подверг критике мир-системный подход за неоправданное умаление «вертикальных», межстадиальных связей (способов производства) и сосредоточение на связях «горизонтальных», «межсоциорных». Оценку исторического места СССР и «лагеря социализма» в глобально-формационной ретроспективе (формации не совпадают со способами производства) Семенов дал в контексте разграничения между ортокапитализмом центра (от греч. ортос – «прямой», «истинный»), и паракапитализмом периферийных зон (от греч. пара – «около», «возле»). Ортокапиталистический центр сам образовал систему и стал частью более обширной мировой системы; паракапиталистическая периферия, входя в более обширную мировую систему, сама системой не была. Русские революции 1905 и 1917 гг. положили начало эпохе «социорноосвободительных революций» на паракапиталистической периферии, направленных как против «своего» паракапитализма, так и против ортокапитализма центра [64, с. 274-276]. Результатом этих революций стал *индустрополитаризм* - новая разновидность широкой исторической категории «политарного способа производства». После распада индустрополитарной системы ее бывшие составные части вновь дополнили паракапиталистическую периферию в рамках глобального капитализма [64, с. 282-288]. Таким образом, при существенных методологических расхождениях глобально-формационный подход Семенова сходится с мир-системным анализом и в трактовке советской экономической модели как геокультуры национального развития, и в центропериферическом контексте рассмотрения до- и постсо-

ветской экономической истории России. С той поправкой, что И. Валлерстайн (повторяю, на мой взгляд, обоснованно) говорит о российском сползании с периферии на периферию, а концепция Семенова (столь же обоснованно) заставляет задуматься о детализации понятия «мир-империи».

Задуматься стоит и над тем, как уже достаточно мощная исследовательская традиция мир-системного анализа может способствовать возрождению в XXI в. *политэкономии в широком смысле*, расширяющей границы экономического анализа не за пределы рынка и капитализма не только в «вертикально»-стадиальном смысле, характерном и для современного марксизма [44], но и в «горизонтальном», намеченном германской исторической школой и экономической антропологией (сосуществование с рыночным манипулятивно-эгоистическим иных хозяйственных мотивов и способов экономической координации).

Обратим внимание еще на один момент. И. Валлерстайн рассматривает структурный кризис 1973-1982 гг., существенно изменивший конфигурацию «третьего мира» и положивший начало периферийной реинтеграции «второго мира», лишь как начало общего структурного кризиса капиталистической мир-системы, утратившей свои геокультурные основания. Отклонения от «нормального» функционирования исторической системы приобрели столь широкую амплитуду, что система «как никогда удаляется от равновесия» и не может более продолжаться, так как иссякает источник ее динамизма – возможность бесконечного накопления капитала [35, с. 58, 60]. Однако, во-первых, невозможно предсказать, какая историческая система сменит современный глобальный капитализм, во-вторых, новая система

может оказаться гораздо хуже, с большей степенью иерархии, поляризации и эксплуатации. Поэтому Валлерстайн предлагает антисистемным силам быть «неунифицированным органическим интеллектуалам» разрабатывать **утопистику** – «трезвое предвидение трудностей и открытое придумывание альтернативных институциональных структур» [21, с. 232].

В этой связи нелишне вспомнить тот анализ формационных альтернатив, который предложил в 1917 г. А.А. Богданов, имевший за плечами опыт классической утопии. 2-й том «Тектологии» завершился изложением возможных

вариантов развития капитализма после мировой войны [26, с. 94]. Из перечисленных Богдановым вариантов [10, с. 239-242] три оказались довольно реалистическими – «промышленный феодализм», технократический «государственный социализм» и патриархальный «бюрократический социализм». В них в общих чертах были предугаданы фашизм, западная «смешанная экономика» и сталинизм. А вот явно утопическими оказались идеал самого Богданова («пролетарский коллективизм») и анархистский. Над подобным результатом прогноза политэконома-марксиста тоже стоит задуматься.

Литература

1. Агирре Рохас К.А. «Анналы» и марксизм // Французский ежегодник 2009. М., 2009.
2. Аллег А. Бойцы в плену. М.: ИЛ, 1962.
3. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. — М.: ИД «Территория будущего», 2006.
4. Барг М.А. Великая Английская революция в портретах ее деятелей. М.: мысль, 1991.
5. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.
6. Богданов А.А. Из психологии общества. 2-ое изд., доп. СПб. 1906.
7. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. 10-е изд. М. : С. Дороватовский и А. Чарушников, 1906.
8. Богданов А.А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901-1928 гг. // Неизвестный Богданов. Кн.1. М. : ИЦ «АИРО-XX», 1995.
9. Богданов А.А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции // Новая жизнь. 1918, № 19 (26 января/8 февраля).
10. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. М. : Финансы, 2003.
11. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 1. СПб. : Т-во «Знание», 1910.
12. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2. Вып. 1. Эпоха торгового капитала. М.: Госиздат, 1920.
13. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2. Вып. 2. Эпоха промышленного капитала. М.: Госиздат, 1919.
14. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2. Вып. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. 2-е изд. М.-Пг.: Госиздат, 1924.
15. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: «Полиграмма», 1993.
16. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII в. В 3 т. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988.
17. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII в. В 3 т. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.

18. Бузгалин А.В. Как изучать СССР // СССР: незавершенный проект. М.: Ленанд, 2013.
19. Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Коммунист. 1915. № 1-2.
20. Бухарин Н.И. Рец. на кн.: А.Богданов. Вопросы социализма // Коммунист (МК РСДРП). 1918. № 3.
21. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. – Университетская книга, 2001.
22. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. В 4 тт. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015-2016.
23. Валлерстайн И. Периферия // Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004.
24. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2100 // Свободная мысль. 1996. № 5.
25. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М.: Соцэкгиз, 1959.
26. Гловели Г. Д. А. А. Богданов: от политической экономии к тектологии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1.
27. Гловели Г.Д. Евразийское месторазвитие и эталонные ареалы экономических реформ в истории России // Федерализм. 2009. № 2.
28. Гловели Г.Д. Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея // Вопросы политической экономии. 2015. № 1.
29. Гловели Г.Д. Лев Мечников // Альтернативы. 1995. № 1.
30. Гловели Г.Д. Меркантилистская геокультура и «прозельная горячность»: наследие Ю.Крижанича и И.Посошкова в контексте мир-системного подхода // Историко-экономические исследования. 2014. № 2.
31. Гловели Г. Д. Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Вопросы политической экономии. 2017. № 2.
32. Гловели Г.Д. Политэкономика в широком смысле: элементы институционализма и утопизма // Вопросы экономики. 2010. № 10.
33. Гловели Г.Д. Трагифарс «плехановской ортодоксии» и драма российской европеизации // Научные труды ВЭО России. 2017. Т. 204, № 2.
34. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009.
35. Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: ИИГ, 2015.
36. Иванченко А. Там, за горизонтом... М.: Советский писатель, 1986.
37. Изложение учения Сен-Симона. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
38. Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука, 1990.
39. Инюшин В.В., Медоваров М.В., Черкасов А.Н. Геоэкономические и геополитические механизмы Первой мировой войны. М.: ИНФРА-М, 2018.
40. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004.
41. Кареев Н.И. Экономический материализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/том 79. СПб., 1904.
42. Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008.
43. Кобищанов Ю.М. Теория «большой феодальной формации» // Вопросы истории. 1992. № 4—5.
44. Колганов А.И. Что такое социализм? Марксистская версия. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009.
45. Крадин Н.Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и Математика: Модели и теории . М.: УРСС. 2008.

46. Курс политической экономии. Под ред. Н.А. Цаголова. 3-е изд. М. : 1973.
47. Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914—1918) М.-Л.: Госиздат, 1928.
48. Левитский В.Ф. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков, 1914.
49. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1967-1975.
50. Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия, 1968.
51. Макконнелл К., Брю С. Экономикс. Кн. 1. М. : Республика, 1992.
52. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. В 50 тт. М.: Госполитиздат, 1955-1981.
53. Меньшевицкий процесс 1931 года. Сб. документов. М.: РОССПЭН. 1999.
54. Меркантилизм. Сборник. Сост. И.С. Плотников. М.: Огиз, Соцэкгиз. 1935.
55. Мортон А.Л. Английская утопия. М.: ИЛ. 1956.
56. Нефедов С.А. Происхождение регулярного государства Петра Великого // Вопросы истории. 2013. № 12.
57. Очерки философии коллективизма. Сб. первый. СПб.: Издание тов-ва «Знание», 1909.
58. Петти У. Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз. 1940.
59. Письма Н.И. Бухарина В.И. Ленину // Вопросы истории. 1994. № 3.
60. Поланьи К. Великая трансформация. СПб.: «Алетейя», 2002.
61. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс// «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
62. Пребиш Р. Периферийный капитализм. Есть ли ему альтернатива. М.: ИЛА РАН, 1992.
63. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: НИУ-ВШЭ, 2011
64. Семенов Ю.И. Философия истории. М.: Старый сад, 1999.
65. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика. 1989.
66. Фурсов А.И. Мир-системный анализ: интерпретация послевоенного периода (1945-1991). М.: ИНИОН РАН. 1997.
67. Фурсов К.А. Теории развития мировой капиталистической системы: корреляция между концепциями гегемоний И. Валлерстайна и системных циклов накопления Дж. Арриги // История мировой экономики. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 2012
68. Frank A.G. Immanuel and Me With/Out Hiphen // Journal of World-Systems Research. 2000. Vol. 11. No. 2.
69. Sochor Z. Was Bogdanov Russia's answer to Gramsci? // Studies in Soviet Thought. 1981. Vol. 22.